

**ОБ ОДНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ УПОДОБЛЕНИИ В ЛИРИКЕ
М. ЦВЕТАЕВОЙ И О. МАНДЕЛЬШТАМА: ВРЕМЯ – ПЕСОК**

*Работа представлена кафедрой русской и зарубежной литературы
Стерлитамакской государственной педагогической академии.*

*Научные руководители – доктор филологических наук, профессор В. А. Зарецкий;
кандидат педагогических наук, профессор А. С. Акбашева*

В статье затронуты проблемы диалога словесного искусства на примере творчества М. Цветаевой и О. Мандельштама. Автор рассматривает художественное воплощение времени в их поэзии, доказывая, как на основе сходства очевиднее становится уникальность поэтики каждого. «Песок – время» для О. Мандельштама – путь к камню (и сборнику, и ключевому образу), усмотрение вечности в быту; для М. Цветаевой – символ процесса творчества, краткости земного существования, непримиримый конфликт быта и Бытия.

In the article the problems of dialogue of verbal art are mentioned by the example of M. Tsvetaeva and O. Mandelstam's creative work. The author considers artistic realization of time in their poetry proving that uniqueness of poetics of each of them becomes more obvious on basis of similarity. «Sand – time» for O. Mandelstam is the way to the stone (both to the collection and the key image), seeing eternity in a daily routine; for M. Tsvetaeva it is the symbol of a creation process, brevity of earthly existence and the irreconcilable conflict of a daily routine and the entity.

Словесное искусство диалогично по своей природе, потому возникновение сходных мотивов и образов – явление закономерное.

При всей непохожести поэтических систем М. Цветаевой и О. Мандельштама их жизнь и творчество имеют множество точек соприкосновения. Историю взаимоотношений поэтов, если говорить языком времени, можно обозначить как миг взаимного влияния в вечно становящемся бытии. Этот миг стал равен жизни, в которой они встречались несколько раз. Эти встречи перевоплотились в ряд замечательных стихотворений-посвящений. (Стихотворения М. Цветаевой «Из рук моих – нерукотворный град...», «Никто ничего не отнял...», «Собирая любимых в путь...», «Ты запрокидываешь голову...» и другие адресованы О. Мандельштаму, в свою очередь О. Мандельштам посвятил М. Цветаевой так называемые «московские стихи», а также стихотворение «Не веря воскресенья чуду...».) Обратимся к этому стихотворению О. Ман-

дельштама. Особое внимание привлекает его концовка:

Нам остается только имя:
Чудесный звук на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок. [Т. 1. С. 114]¹

С одной стороны, «пересыпаемый песок» – реальная деталь – воспоминание о Коктебеле, но ассоциативный ряд приводит к более раннему стихотворению «В таверне воровская шайка...» (1913):

На рынке возятся собаки,
Менялы щелкает замок.
У вечности ворует всякий,
А вечность – как морской песок... [Т. 1. С. 88].

Очевидно, что песок в контексте двух стихотворений одновременно символизирует и неизбежное течение времени, и Вечность. Потому строчка «Прими ж ладонями моими / пересыпаемый песок» – не что иное, как попытка поэта остановить время, перевести его в вечность. «Пересыпае-

мый песок» – это еще и стихи, которые один поэт дарит другому и тем самым овладевает временем².

В мировой культуре и в русской картине мира, что в первую очередь находит отражение в языке, песок в своем значении тесно связан со временем, а также непрочностью, зыбкостью, краткостью человеческого бытия. О чем-то или ком-то очень старом говорят «песок сыплется», о событии, которое никогда не произойдет, – «когда песок по камню взойдет», о быстропроходящем – «как песок сквозь пальцы», о ненадежном и хрупком – «строить замки из песка»³.

Образ-метафора «время-песок» возникает в творчестве М. Цветаевой 1920-х гг., уже в зрелый период творчества («Вячеславу Иванову (1–3)», Пасха, 1920; «Времени у нас часок...», 1920; «Хвала времени...», 1923). Символично, что стихи, посвященные Вячеславу Иванову, написаны в день Пасхи. Время написания стихотворения в этом случае наряду с его текстом несет смысловую нагрузку. Уже первые строки цикла вводят читателя в евангельский контекст:

Ты пишешь перстом на песке,
А я подошла и читаю... [Т. 1. Кн. 2. С. 205]⁴

Вспомним, в Евангелие от Иоанна говорится о том, что Иисус, когда к нему привели женщину, обвиняемую в прелюбодеянии, писал перстом на земле. Строкой: «А я твоя горlinkка, Равви!» – вводится мотив Учителя и ученика, праведника и грешника, избранного и простого смертного. М. Цветаева заменяет «евангельскую землю» на песок с целью отображения самого процесса творчества в его первоизданности. (Песок при написании чернилами являлся необходимым атрибутом пишущего человека. Об этом скажем чуть позже.) Поэт может передать лишь часть того, что знает и понимает сам, но и читающий его часто видит совсем не то, что написано в самом деле:

О Равви, о Равви, боюсь –
Читаю не то, что ты пишешь! [Т. 1. Кн. 2. С. 206].

Эта мысль М. Цветаевой созвучна и словно предвосхищает слова булгаковского Иешуа: «...Нет, нет, игемон, – весь напрягаясь в желании убедить, говорил арестованный, – ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но однажды я заглянул в этот пергамент и ужаснулся: решительно ничего из того, что там записано, я не говорил...»⁵. Человеку, а поэту в особенности, не дано предугадать, «как слово наше отзовется». Чтобы произошло понимание во всей его глубине, нужно как минимум находиться на одном уровне (духовном и душевном) с тем, кого хочешь понять. Для М. Цветаевой таким решением становится уход в сон-творчество, т. е. в отличное от обыденного сознание:

Ты знаешь – чтоб лучше читать –
О Равви – глаза закрываю... [Т. 1. Кн. 2. С. 206].

Однако в цикле стихов «Вячеславу Иванову» М. Цветаева очень близка к О. Мандельштаму, в особенности строкой:

Уж лучше мне камень толочь!
Нет, горlinkкой к воронам в стаю!.. [Т. 1. Кн. 2. С. 206].

Для сравнения: у О. Мандельштама «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы», 1920:

Легче камень поднять, чем мне имя твое
повторить! [Т. 1. С. 126].

Речь, видимо, идет о том же «невывразимом», назвать имя – отразить самую суть вещи или явления, потому поэт часто предпочитает молчание, «первоначальную немоту», так как он не в силах передать ту самую суть, находящуюся на границе еще не сотворенного и уже родившегося.

В стихотворении М. Цветаевой «Времени у нас часок...» тема «время-песок» задана в первой строфе и получает развитие на протяжении всего текста:

Времени у нас часок,
Дальше – вечность друг без друга!
А в песочнице – песок –
Утечет!.. [Т. 1. Кн. 2. С. 209].

Каким образом соотносятся у М. Цветаевой время и вечность? Ответ не однозначен: час понимается как земное, бытовое время, что становится ясным из следующих строк:

Что меня к тебе влечет –
Вовсе не твоя заслуга!
Просто страх, что роза щек –
Отцветет... [Т. 1. Кн. 2. С. 209].

Лирическая героиня приписывает пылкость своих чувств молодости, которая быстро проходит, как и сама жизнь. Время неумолимо и жестоко, оно внушает страх, потому что напоминает человеку о смерти. Но «часок» – короткий миг в вечности, ее отголосок. В тексте несколько подтверждений этой мысли: час один над всеми (и для созвездий, и для людей), час взвешивается «на небесных весах», т. е. сравнивается с вечностью. Возникает мотив «украденного у вечности времени»:

Только маленький часок
Я у Вечности украла... [Т. 1. Кн. 2. С. 209].

Этот же мотив воровства у вечности очевиден у О. Мандельштама (см. выше). У М. Цветаевой явное противопоставление времени бытового и бытийного, час «взвешен на небесных часах», у О. Мандельштама в обыденном, даже самом неприметном, угадывается и подразумевается вечное:

А вечность – как морской песок:
Он осыпается с телеги –
Не хватит на мешки рогож... [Т. 1. С. 88].

Если песок осыпается с телеги, значит, кто-то его туда насыпал, и этот кто-то сильнее времени. Возникает вопрос: что это за образ «телега» в контексте стихотворения? На наш взгляд, истоки данного образа следуют искать в пушкинском стихотворении «Телега жизни» (1823):

Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка...⁶

Вполне ясным становится смысл метафоры вечности, осыпающейся с телеги: жизнь человека только краткий миг в вечности, ему отпущено совсем немного времени собирать «осыпающийся песок». Образ вечности, осыпающейся с телеги, подразумевает и тяжесть. В уже упомянутом стихотворении О. Мандельштама «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», в котором одним из главных является мотив времени и смерти, этот образ получает дальнейшее развитие:

Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках
несут [Т. 1. С. 126].

Н. Я. Мандельштам связывает эти строки со словами Гоголя: «Вчера еще Пушкин, как солнце, был центром притяжения людей, а сегодня он мертв и лежит в гробу» [Т. 1. С. 486]. Думается, речь идет о всяком человеке вообще, не исключая и Пушкина. Человек отождествлен с солнцем, он некий центр мироздания. И так же как после захода солнца становится холоднее, так и после смерти человека остывает согретый им песок. Песок в этом контексте можно трактовать и как жизнь, и как след человека, оставленный в ней. Обозначим несколько доминантных оппозиций: «тяжесть – нежность», «песок – камень», «время – плуг». В словаре В. И. Даля «песок – измельченный, перетертый природою камень...»⁷. То есть по своей сути песок – тот же камень, только разрушенный природой. Некогда прочный камень со временем может стать песком. Но камень, послуживший материалом для строительства архитектурных зданий, соборов и других памятников культуры, увековечивает себя в них. Потому одним из факторов значимости для поэтики О. Мандельштама являются архитектурные мотивы. Очевидно, что семантика слов «камень» и «песок» потенциально подразумевает в себе «тяжесть» и «нежность».

Камень предполагает прочность, основательность, песок – неустойчивость и хрупкость. Так и человек, подобно песку (или песчинке), в вечности оставляет свой зыбкий след, но есть нечто, что прочно закрепляет человека в ней, – «плуг, вспахивающий время»:

Время вспахано плугом, и роза землю была...
[Т. 1. С. 126].

(Ср. «Слово и культура»: «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем оказываются сверху...») [Т. 2. С. 169].

Сравнение труда поэта с трудом пахаря встречается и в творчестве М. Цветаевой 1918 г. («В черном небе – слова – начертаны...»):

В поте – пишуший, в поте – пашущий!..
[Т. 1. Кн. 2. С. 87].

Отметим еще один любопытный факт: О. Мандельштам природный образ трансформирует в культурный. Его песок настолько естественен (морской песок, пересыпаемый ладонями песок и т. п.), что по прочтении поэтических текстов остается чувство зримости и осязания. Обрастая новыми смыслами, песок становится емким символом и художественным образом. Для М. Цветаевой характерно использование изначально культурных символов (песок в песочнице, песок, «шелестящий струечкой», возможно, отсылающий читателя и исследователя к песочным часам, как символу созидания и разрушения). Песочница – место, где играют дети. Казалось бы, достаточно бытовая деталь. Игра предполагает переживание и моделирование действительности по своим особым правилам, и в этом ее сходство с искусством. Но главный акцент М. Цветаева делает на другом значении

слова «песочница». В словаре В. И. Даля «песочница – сосуд с песком, дружка чернилиц, для засыпки писанного»⁸.

Таким образом, сказанное выше позволяет сделать некоторые выводы. При сравнении сходных у поэтов образов явственнее становится различие поэтических систем каждого. В поэзии О. Мандельштама чувствуется поиск единения с миром, у М. Цветаевой это позиция «над» – над миром, над жизнью, «как она есть». Д. И. Черашняя определяет внутреннее лирическое движение в ранних стихах О. Мандельштама как «...путь от раковины к камню, от одушевленного и хрупкого к одухотворенному и прочному, но при этом – хрупкое, одушевленное, смертное постоянно удерживается в сознании как важнейший ценностный ориентир. У Мандельштама нет противопоставления искусства и жизни...»⁹. Позволим себе некоторое уточнение: это не только движение от раковины к камню, но и от песка к камню, и других образов, подразумевающих хрупкость и одушевленность. Вся поэтическая система М. Цветаевой построена на контрасте искусства и жизни, поэта и непоэтов; она стремится не соединиться с миром (все действия подобного рода оборачиваются трагедией), а пересотворить его, потому столь важно для нее передать сам процесс творения. Оба поэта победой над временем считают творчество. Стихи и есть путь из времени в бессмертие:

Мой весь грех, моя – вся кара.
И обоих нас – укроет –
Песок [Т. 1. Кн. 2. С. 210].

Песок в песочнице, помогающий сохранить написанное, увековечивает и самого пишущего. Время-песок, «шелестящее струечкой» и «осыпающееся с телеги», не властно над поэтом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ * Здесь и далее тексты О. Мандельштама с указанием в квадратных скобках номера тома и страниц цитируются по изданию: Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2 т. / Сост., подготовка текста и коммент. П. Нерлера; вступ. ст. С. Аверинцева. М.: Худож. лит., 1990.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

² *Швейцер В. А.* Быт и Бытие М. Цветаевой. М.: Интерпринт, 1992. С. 158–159.

³ См., например, *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 514–515.

⁴ * Здесь и далее тексты М. Цветаевой с указанием в квадратных скобках номера тома, книги и страниц цитируются по изданию: Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подготовка текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Терра, 1997.

⁵ *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита: Роман. М.: Дрофа, 2003. С. 20.

⁶ *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Стихотворения 1813–1836. СПб.: Библиоком, 1993. С. 265.

⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978. Т. 3. П., 1980. С. 103.

⁸ Там же.

⁹ *Черашняя Д. И.* Этюды о Мандельштаме. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 23.